

RU

Противостояние доктрины вермахта и практики советского партизанского движения в 1941-1943 годах (на материалах Курской области)

Коровин В. В., Немцев А. Д.

Аннотация. Цель исследования заключается в обобщении исторического опыта противодействия мероприятиям вермахта, направленным на недопущение народного сопротивления в оккупированных районах Курской области на протяжении 1941-1943 годов. В статье на основе сравнительно-исторического анализа исследуется проблема соотношения нормативно-доктринальных установок Главного командования сухопутных сил Германии (ОКХ) и реальной практики боевой, диверсионной и разведывательной деятельности советских партизанских формирований. На материалах Курской области и Директивы ОКХ № 1900/41 прослеживается эволюция форм и методов партизанской войны в 1941-1943 годах. Научная новизна работы заключается во впервые сформированном представлении о несостоятельности контрпартизанской доктрины вермахта по борьбе с советскими партизанами, реализация которой потерпела крах на территории региона, бывшего в течение исследуемого периода прифронтовым, оккупированным и фронтовым. В результате введения в научный оборот рассекреченных документов выявлены фундаментальные идеологические, оперативно-тактические и режимные просчеты оккупационных властей, приведшие к срыву планов противника по обеспечению безопасности тыловых коммуникаций в Центральном Черноземье.

EN

The confrontation between Wehrmacht doctrine and the practice of the Soviet partisan movement in 1941-1943 (based on materials from the Kursk Region)

V. V. Korovin, A. D. Nemtsev

Abstract. The purpose of the study is to summarize the historical experience of countering the Wehrmacht's measures aimed at preventing popular resistance in the occupied districts of the Kursk Region throughout 1941-1943. Based on a comparative historical analysis, the article examines the correlation between the normative-doctrinal directives of the High Command of the German Army (OKH) and the actual combat, sabotage, and intelligence practices of Soviet partisan formations. Using material from the Kursk Region and OKH Directive No. 1900/41, the evolution of forms and methods of partisan warfare in 1941-1943 is traced. The scientific novelty of the work lies in formulating, for the first time, a comprehensive perspective on the failure of the Wehrmacht's anti-partisan doctrine in combating Soviet partisans, the implementation of which collapsed in a region that served as a near-front, occupied, and frontline zone during the period under study. Through the introduction of newly declassified documents into scientific circulation, fundamental ideological, operational-tactical, and security-regime miscalculations of the occupation authorities were revealed, which led to the disruption of the enemy's plans to secure rear lines of communication in the Central Black Earth Region.

Введение

Организация партизанской войны в тылу немецко-фашистских войск являлась важнейшим фактором дезорганизации оперативного тыла регулярной армии противника на Восточном фронте. В отечественной историографии достаточно полно освещены вопросы формирования партизанских отрядов, их организационного строительства и участия в крупномасштабных операциях. Теоретическую базу исследования составляют труды видного военного историка, полковника в отставке Н. Ф. Азясского (2015), ставшего одним

из первых авторов ряда аналитических и обобщающих трудов по истории партизанского движения в постсоветской историографии. Публикации В. И. Боярского (2003) и А. Ю. Попова (2024) отражают важные аспекты правового регулирования и тактики действий партизанских сил. На региональном уровне вопросы организации партизанской борьбы с учетом современных методологических подходов активно исследуют С. В. Кулик (2020), С. Н. Ткаченко (2024), А. С. и С. И. Линец (2017). Исследователи Е. Н. Абовян (2021), О. Н. Литвинова (2025), Ю. А. Яхутль (2025) в своих публикациях фрагментарно отражают контрпартизанские действия оккупационных властей и их пособников. Однако комплексное сопоставление нормативных доктринальных требований Главного командования сухопутных сил Германии (ОКХ) с реальной практикой вооруженной борьбы советского подполья на микроуровне конкретного региона остается недостаточно изученной историографической лакуной. Актуальность темы обусловлена необходимостью научно-исторической оценки эффективности институтов оккупационной власти и их способности противостоять гибкой, адаптивной тактике партизанских соединений.

Достижение поставленной цели требует решения следующих исследовательских задач: провести сравнительный анализ нормативно-доктринальной базы вермахта и отечественных архивных материалов о боевой деятельности курских партизан; оценить эффективность функционирования разведывательно-диверсионной сети курских партизан в вопросах противостояния оккупационному режиму нацистов; на конкретных примерах охарактеризовать роль маневренности курских партизан в противодействии карательным экспедициям противника.

Методологический инструментарий исследования базируется на принципах историзма и объективности, позволяющих научно обоснованно отразить исторический опыт противодействия контрпартизанским мероприятиям вермахта, в сочетании с историко-системным методом, посредством которого раскрываются роль и взаимовлияние ключевых организационных факторов на применение комплекса форм и способов борьбы с оккупантами, а также методом критического анализа источников, обеспечившим достоверность оценочных суждений об информации, отраженной в нормативно-доктринальных документах вермахта и архивных материалах о боевой деятельности курских партизан.

Источниковая база исследования структурирована по двум ключевым блокам. Первый блок включает нормативно-директивные акты оккупационной стороны (Директива Главного командования...; Объявление командующего командования Белгородского округа). Второй блок представлен советскими архивными и справочно-документальными источниками (фонды Российского государственного архива социально-политической истории, государственных архивов Курской и Брянской областей, архивов управлений ФСБ России по Курской и Белгородской областям, воспоминаниями С. А. Ковпака (1987) и курских партизан (Народные мстители..., 1966), сборника документов «Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» из серии «Русский архив» (Русский архив..., 1999)).

Практическая значимость исследования определена наличием перспективы применения его материалов для расширения и углубления общего представления об истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, его результаты могут использоваться в качестве доказательной базы преступлений нацистов против мирного населения СССР, формируемой в рамках реализации проекта «Без срока давности».

Обсуждение и результаты

Основополагающим документом, регламентировавшим формы и методы борьбы германских войск с партизанами в осенне-зимний период 1941 года, являлась Директива ОКХ № 1900/41 от 25 октября 1941 г. (Директива Главного командования..., с. 1-6). В разделе «В.1» данного документа Главное командование сухопутных сил сформулировало базовый концептуальный тезис, согласно которому русский народ и крестьянство якобы отвергали партизанский метод борьбы, а само движение объявлялось исключительно результатом «большевистского террора» (Директива Главного командования..., с. 3). Исходя из этого постулата, германская доктрина строилась на идее о том, что партизаны представляют собой изолированные группы, лишенные естественной социальной опоры (Директива Главного командования..., с. 1, 3). Войскам предписывалось вести работу по завоеванию доверия населения путем разумного обращения и демонстрации силы (Директива Главного командования..., с. 1). В инструкции указывалось на необходимость управлять населением через бургомистров и призывать жителей к мирному труду (Директива Главного командования..., с. 3-4).

Однако формально декларируемая лояльность перечеркивалась встроенным в ту же директиву механизмом беспрецедентного индивидуального и коллективного террора. В документе напрямую указывалось на необходимость полного уничтожения противника, а солдатам предписывалось пренебрегать личными чувствами и действовать беспощадно (Директива Главного командования..., с. 3). На местном уровне доктринальные установки ОКХ трансформировались в крайние формы репрессивного воздействия (Объявление командования Белгородского округа). В объявлении командующего Белгородского округа принципы коллективной ответственности формулировались предельно жестко: села и дома, где партизаны находили укрытельство или питание, подлежали сожжению, а их жители – расстрелу или повешению (Объявление командования Белгородского округа).

Анализ практики функционирования партизанских отрядов в оккупированных районах Курской области в 1941-1943 гг. демонстрирует абсолютную несостоятельность германской установки о чуждости партизан местному населению (АУФСБ КО, ф. 4-го отд. УНКВД, д. 191; ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 78; Гусев, 2006, с. 49). Материально-техническое снабжение и разведывательная деятельность советских отрядов изначально базировались на прямом взаимодействии с местными жителями. Как следовало из донесений 4-го отдела УНКВД

по Курской области, население систематически информировало партизан о передвижении вражеских колонн и дислокации штабов. В частности, 7-8 октября 1941 г. разведка Льговского отряда получила от жителей села Бупел сведения о планах гитлеровцев по продвижению на Льгов, что позволило 9 октября подорвать мост через реку Сейм (АУФСБ КО, ф. 4-го отд. УНКВД, д. 191, т. 1, л. 165 об.-166).

В ответ на уничтожение партизанами полицейских гарнизонов местное население выражало поддержку бойцам (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 78, л. 31-32; Гусев, 2006, с. 49). После ликвидации 5 июня 1942 г. Дмитровским отрядом полицейского гарнизона в с. Власовка Дмитровского района жители окрестных сел благодарственно встретили партизан (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 78, л. 31-32). В селе Кольтичеево Рыльского района 12 февраля 1942 г. бойцы отряда имени Ворошилова № 1 отбили у оккупантов более 20 возов зерна и раздали его крестьянам (Гусев, 2006, с. 49).

Карательная практика, предписанная инструкциями ОКХ, приводила к результатам, прямо противоположным расчету гитлеровцев (Директива Главного командования..., с. 3; ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 47, л. 134). Вместо устрашения и изоляции партизан зверства карателей стимулировали массовый приток населения в отряды (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 134, л. 30-32). Попытки оккупантов блокировать базовые леса сопровождались сожжением населенных пунктов и расстрелами (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 47, л. 2-7, д. 76, л. 50). В марте 1942 г. в ходе карательной операции против Дмитриевского отряда оккупанты сожгли дотла 11 хуторов (около 400 домов) и расстреляли до 150 мирных жителей (КОКМ, инв. № 3030). В сентябре 1942 г. каратели сожгли поселки Образцовый, Северный, Средний, Западный и Восточный (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 76, л. 50). В ходе карательных экспедиций в октябре – ноябре 1942 г. в северо-западных районах Курской области было сожжено 32 населенных пункта и уничтожено 870 мирных жителей (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 47, л. 2-7). В ноябрьских боях 1942 г. жестокость противника лишь сплотила партизан и население (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 21, л. 69). Реакцией населения на репрессии стал рост партизанских резервов: после рейда отряда имени Чапаева по Крупецкому району в ноябре 1942 г. в ряды отряда одновременно вступили более 100 местных жителей (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 134, л. 30-32).

Социальная реальность партизанской войны знала и сложные эпизоды, когда угроза применения принципа коллективной ответственности временно сковывала действия подпольщиков. Связной Дмитровского партизанского отряда В. М. Болотин 17 ноября 1941 г. докладывал в 4-й отдел УНКВД, что с 28 октября 1941 г. отряд был вынужден прекратить боевую деятельность по требованию местных колхозников. Причиной стал ультиматум оккупантов, угрожавших уничтожить деревни в случае новых диверсий (РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 745, л. 3; АУФСБ КО, ф. 4-го отд. УНКВД, д. 131, л. 63-64).

Если на этапе начальной оккупации осенью 1941 г. ультимативный террор врага в отдельных случаях мог временно парализовать активность местных отрядов, то в период 1942-1943 гг. ставка ОКХ на террор полностью провалилась (Директива Главного командования..., ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 47). Попытки оккупантов переложить ответственность за действия подпольщиков на гражданское население привели к окончательной утрате оккупационной администрацией контроля над тыловыми районами (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 47, л. 2-7).

Режимно-административный контроль оккупированных территорий занимал ключевое место в системе безопасности германского оперативного тыла (Директива Главного командования..., с. 4-5). В разделе «В.2» Директивы № 1900/41 Главное командование сухопутных сил требовало содержать дороги свободными от постороннего движения, выделяя в качестве объекта особого подозрения женщин, девушек и подростков (Директива Главного командования..., с. 4). Выдвигая лозунг очистки дорог, доктрина оккупантов предписывала силами дивизий, полков, батальонов и полевой жандармерии задерживать подозрительных лиц и направлять их в тайную полевую полицию или лагеря (Директива Главного командования..., с. 4). Германские штабисты подчеркивали необходимость паспортного контроля, указывая, что партизаны массово используют фальшивые документы, ввиду чего ведомствам рекомендовалось возложить ответственность за учет жителей на местных старост (Директива Главного командования..., с. 4). На региональном уровне эти установки закреплялись нормативными актами комендатур, запрещавшими гражданскому населению свободное перемещение между населенными пунктами (Объявление командования Белгородского округа).

Германская модель контроля в реальной практике оккупированной Курской области столкнулась с адаптивной системой советской агентурной разведки (АУФСБ КО, ф. 4-го отд. УНКВД, д. 54, л. 131). В конце 1941 г. 4-м отделом УНКВД по Курской области был реализован план по созданию 9 разведывательных пунктов в неоккупированных восточных районах и 5 пунктов связи в прифронтовой полосе, за которыми закрепили 14 оперативных сотрудников (АУФСБ КО, ф. 4-го отд. УНКВД, д. 54, л. 18, д. 131, л. 35-37). Первоначальный способ передачи разведанных через курьеров-связных, преодолевавших сотни километров через линию фронта, отличался высокой уязвимостью и приводил к гибели оперативников или задержке информации (АУФСБ КО, ф. 4-го отд. УНКВД, д. 131, л. 50-51). Перелом в оперативности сбора сведений произошел в апреле 1942 года с установлением радиосвязи между штабом Юго-Западного фронта и отрядами северо-запада Курской области, что позволило передавать точные целеуказания о дислокации вражеских штабов и складов боеприпасов в режиме реального времени (АУФСБ КО, ф. 4-го отд. УНКВД, д. 54, л. 153-154).

Дальнейшая институционализация партизанской разведки была закреплена Приказом Народного комиссариата обороны СССР № 00189 от 5 сентября 1942 г. (Русский архив: Великая Отечественная..., 1999, с. 134) и Приказом начальника Брянского штаба партизанского движения № 0012 от 15 сентября 1942 года. Согласно указанию БШПД, в каждом партизанском отряде вводилась штатная должность заместителя командира по разведке со специальным рабочим аппаратом численностью от 2 до 7 человек (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 18, л. 6-8).

Заместителем командира Штаба объединенных партизанских отрядов Курской области по разведке стал сотрудник госбезопасности А. Т. Москаленко, а в декабре 1942 г. для усиления руководства в тыл врага был направлен начальник 4-го отдела УНКВД В. Ф. Кремлев (ГАБО, ф. П-1650, оп. 1, д. 51, л. 15 об.; ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 76, л. 7). Руководство разведкой требовало систематической вербовки старост, полицейских и служащих немецких учреждений при соблюдении строжайшей конспирации (ГАКО, ф. 2, оп. 1, д. 18, л. 6-8).

Женщины-разведчицы, в отношении которых Директива № 1900/41 предписывала проявлять повышенную подозрительность (Директива Главного командования..., с. 4), демонстрировали высокую эффективность в преодолении германского режимного барьера (Противостояние: Рассказы о курских чекистах, 1991, с. 115; ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 379, л. 10). Разведчица Е. П. Балабанова, будучи задержанной карательным отрядом, убедила гитлеровцев в своей политической непричастности, проникла в оккупированный Курск, приобрела легальный паспорт с отметками биржи труда и доставила в штаб бригады схемы охраны аэродрома и моста через реку Сейм, начерченные на ткани и вплетенные в косу (Противостояние: Рассказы о курских чекистах..., 1991, с. 115). Разведчица Т. М. Манухина, используя справку комендатуры о поездке к родственнику, передвигалась в кузове немецкого грузовика над ящиками со снарядами, установив местонахождение штаба противника в городе Кромы (ГАКО, ф. 2, оп. 1, д. 379, л. 10, д. 380, л. 78, д. 381, л. 217). Анализ боевых характеристик бойцов Дмитриевского отряда (В. Е. Стихова, Е. Т. Клиндуховой, В. П. Данчина) подтверждает, что по добытым ими данным партизаны разгромили полицейские гарнизоны во Власовке, в Эсмани и Дерюгино (Музей партизанской Славы школы № 15 г. Курска, инв. № 457, 458, 459).

Противостояние спецслужб сопровождалось контрразведывательной работой и привлечением на сторону партизан военнослужащих из мобилизованных контингентов противника. Разведчица А. И. Дрючина установила контакт с унтер-офицером охранения железной дороги А. И. Кривуляком (русином из Закарпатья, призванным в венгерскую армию), который с июля 1942 г. передавал партизанам боеприпасы и разведданные, а в декабре 1942 г. после инсценировки его похищения перешел в Дмитриевский отряд (Народные мстители..., 1966, с. 163-166). В то же время засилье агентуры оккупантов приводило к трагическим провалам: 18-летняя разведчица В. М. Терещенко была выдана старостой и повешена в Дмитриеве 16 октября 1942 г. (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 205, л. 26, д. 356, л. 31), а 19-летняя разведчица В. М. Диканова после пыток была казнена полицейскими в слободе Михайловка 20 ноября 1942 г. (Народные мстители..., 1966, с. 176-177).

Осенью 1942 г. маршрутная разведка штаба объединенных партизанских отрядов Курской области охватывала 6 стратегических направлений (Курск, Орел, Рыльск, Комаричи, Поньри, Старый Оскол), опираясь на агентурную сеть из 53 человек в ключевых населенных пунктах. Разведчики установили точную дислокацию 26 вражеских гарнизонов общей численностью 6332 человека и вскрыли систему инженерной обороны железнодорожных линий. Несмотря на бюрократические задержки со стороны руководства БШПД, не всегда оперативно реагировавшего на запросы партизан о заброске радиостанций и экипировки (ГАБО, ф. П-1650, оп. 1, д. 51, л. 15 об.), советская партизанская разведка полностью нейтрализовала попытки вермахта сохранить режимную секретность своего оперативного тыла.

Защита транспортных магистралей являлась наиболее детально разработанным разделом германской антипартизанской доктрины (Директива Главного командования..., с. 5-6). В разделе «В.7» Директивы № 1900/41 Главное командование сухопутных сил определяло охранение длинных коммуникаций как наиболее уязвимый элемент обороны. Для защиты каждых 100 километров железной дороги документ требовал выделять до одного батальона охраны. Охрану предписывалось организовывать в виде укрепленных дзотами ротных опорных пунктов и застав по 2-10 человек на объект. В дневное время посты выставлялись одиночным порядком, в ночное – удвоенным; важные мосты требовали круглосуточных караулов. Командирам подразделений предписывалось патрулировать прилегающие полосы на мотоциклах и дрезинах, проверять стыки рельсов и осматривать свежевскопанную землю. Отдельное требование ОКХ сводилось к уничтожению растительности и построек вдоль полотна (Директива Главного командования..., с. 5).

Диверсионная практика партизанских отрядов Курской области прошла путь от стихийных актов на грунтовых дорогах до широкомасштабной координированной войны на железнодорожных магистралях (АУФСБ КО, ф. 4-го отд. УНКВД, д. 54, 131; ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 18, 77, 78). На первом этапе оккупации с октября по декабрь 1941 г. диверсионная деятельность носила низовой характер: отряды действовали без единого руководящего центра, уничтожая транспорт противника минами и из засад на проселочных трассах (АУФСБ КО, ф. 4-го отд. УНКВД, д. 54, л. 27-28, д. 131, л. 50, д. 191, т. 1, л. 165 об.-166; ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 25, л. 31, 46, 47). Типичными операциями являлись засады Белгородского отряда А. А. Полякова под селом Боровское (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 25, л. 31, 32), подрыв 5 автомашин Обоянским отрядом на трассе Зоринские Дворы – Обоянь (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 25, л. 47) и разрушение моста через реку Псел 14 декабря 1941 г., остановившее продвижение немецких танков на три дня (ГАБО, ф. П-1650, оп. 1, д. 50, л. 225). Одновременно систематическому разрушению подвергались проводные линии связи: бойцы Суджанского, Микояновского, Ивнянского и Обоянского отрядов уносили километры полевого кабеля (ГАБО, ф. П-1650, оп. 1, д. 50, л. 225; ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 25, л. 42, 43, 49). Первые попытки разрушения железных дорог зимой 1941/1942 гг. предпринимались Глушковским отрядом Ф. П. Горпинченко, взорвавшим мост между Гапоновкой и Глушково 17 декабря 1941 г. (АУФСБ КО, ф. 4-го отд. УНКВД, д. 140, л. 35 об.).

Переломный этап в диверсионной войне настал весной и летом 1942 года. Из-за дефицита тола и мин партизаны проявляли изобретательность: 22 мая 1942 г. 170 бойцов Дмитровского и Дмитриевского отрядов под руководством А. Д. Федосюткина на перегоне Брянск – Льгов у станции Евдокимовка развинтили стыки рельсов и применили самодельный подрывной механизм из связок гранат с веревочным шнуром. В результате

пущенный под откос воинский эшелон потерял паровоз, 4 вагона с офицерами и 37 артиллерийских орудий (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 78, л. 28-29).

Новый этап диверсионной работы начался после создания Центрального (ЦШПД) и Брянского (БШПД) штабов партизанского движения. Во исполнение распоряжения начальника ЦШПД П. К. Пономаренко от 10 августа 1942 г. (РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 197, л. 52) и Приказа начальника БШПД А. П. Матвеева № 0012 от 15 сентября 1942 г. перед партизанами Курской области была поставлена задача взять под контроль магистрали Брянск – Льгов, Курск – Орел, Воронеж – Курск – Льгов и ключевые шоссе (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 18, л. 37). В середине сентября 1942 г. на эти участки вышли 74 диверсионные группы, оснащенные доставленными с «Большой земли» магнитными минами и толом (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 77, л. 40, 62). Подрывники передвигались исключительно ночью, скрываясь днем в скирдах и оврагах (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 77, л. 40, 62). Итогом сентябрьско-октябрьских диверсий 1942 г. стало крушение 54 эшелонов противника (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 77, л. 40, 62). Образцы героизма проявил подрывник Дмитровского отряда В. Я. Кормишин, лично пустивший под откос 8 поездов (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 21, л. 69).

Масштабные диверсии курских партизан вынудили немецкое командование перейти к практической реализации инженерно-оборонительных мер, прямо предусмотренных Инструкцией № 1900/41 (Директива Главного командования..., с. 5). Железнодорожная линия Курск – Орел полностью прекратила круглосуточную работу и перешла на пропускание эшелонов исключительно в дневное время, предварительно пуская контрольные дрезины и паровозы с пустыми платформами (ГАБО, ф. П-1650, оп. 1, д. 51, л. 15). На линии Комаричи – Льгов оккупанты построили дзоты на каждом километре, разместив в них гарнизоны по 15-20 человек и установив сплошное патрулирование. Вдоль трассы Курск – Орел гитлеровцы вырыли групповые окопы через каждые 1000 метров (ГАБО, ф. П-1650, оп. 1, д. 51, л. 15 об.).

Фактором, сковывавшим диверсионную деятельность, оставался дефицит взрывчатки и халатность тыловых служб снабжения (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 18, л. 50-53). В октябре 1942 г. советская авиация сбросила партизанам большую партию тола и мин, однако все они оказались без взрывателей и детонаторов, что парализовало работу подрывников. Самодельные мины партизан легко обезвреживались немецкими саперами. К декабрю 1942 года в отрядах полностью закончились средства подрыва (ГАБО, ф. П-1650, оп. 1, д. 51, л. 15 об.).

Несмотря на снабженческий кризис, зимне-весенняя кампания 1942/1943 годов, совпавшая с наступлением войск Брянского и Воронежского фронтов, ознаменовалась переходами к комбинированным налетам на железнодорожные узлы (ГАБО, ф. П-1650, оп. 1, д. 13, л. 6, 71; ГАКО, ф. 2, оп. 1, д. 134, л. 30; Народные мстители..., 1966, с. 62-63). В полночь 2 января 1943 г. объединенные силы Дмитриевского, Дмитровского и Кавалерийского отрядов штурмом овладели станцией Дерюгино, подорвав стрелочные переводы, семафоры и водонапорную башню, блокировав движение эшелонов на трое суток (ГАБО, ф. П-1650, оп. 1, д. 13, л. 71). Отряды 2-й Курской бригады на перегоне Глушково – Коренево разгромили немецкий охранный батальон на разъезде 341-й км и демонтировали 5 километров железнодорожного полотна (Народные мстители..., 1966, с. 62-63). За февраль 1943 года 1-я и 2-я Курские бригады пустили под откос 17 эшелонов и 1 бронепоезд (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 78, л. 3, д. 134, л. 30).

Диверсионная война на коммуникациях была остановлена специальным приказом командования только в феврале 1943 г. в связи с продвижением наступающих частей Красной Армии, дабы сохранить транспортную инфраструктуру для советских войск (Народные мстители..., 1966, с. 43). Инженерно-оборонительная доктрина ОКХ по защите коммуникаций не смогла предотвратить стратегическую дезорганизацию немецкого тыла в решающие периоды Сталинградской битвы и освобождения Курской области (ГАБО, ф. П-1650, оп. 1, д. 51; Директива Главного командования...).

Оценка эффективности различных форм антипартизанских операций составляла наиболее прагматичную часть германского доктринального документа (Директива Главного командования..., с. 4-5). В разделах «В.4» и «В.5» Директивы № 1900/41 Главное командование сухопутных сил прямо признавало, что так называемые большие операции («Grobooperationen») – окружение партизан силами нескольких батальонов по типу «котла» – систематически не оправдывают ожиданий (Директива Главного командования..., с. 4). Немецкие составители инструкции констатировали, что массированное наступление приводит лишь к раскалыванию крупных партизанских отрядов на мелкие группы, которые беспрепятственно просачиваются сквозь наступающие линии оккупационных войск (Директива Главного командования..., с. 4). В качестве альтернативы доктрина отдавала приоритет мелким операциям («kleine Operationen») силами рот и взводов, основанным на внезапных ночных окружениях мест привалов и бесшумном выдвижении на рассвете (Директива Главного командования..., с. 5).

Полевое командование вермахта, охранных дивизий и полицейских органов на территории Курской области систематически игнорировало аналитические выводы собственного Генерального штаба (Директива Главного командования..., с. 4-5; ГАБО, ф. П-1650, д. 51; ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 29, 47). На протяжении 1942-1943 гг. против партизанских базисных районов регулярно организовывались крупномасштабные карательные экспедиции с привлечением фронтовых частей, артиллерии, бронетехники и авиации (ЦАМО РФ, ф. 202, оп. 36, д. 147, л. 127; ГАБО, ф. П-1650, д. 51, л. 17-19 об.).

В конце февраля 1942 г. немецкое командование предприняло крупную экспедицию с целью окружения отряда имени Ворошилова № 1 в Хомутовском районе, наступая с четырех направлений силами отряда СС, Севского полицейского гарнизона, мадьярского батальона и Сопычского полицейского гарнизона (ЦАМО РФ, ф. 202, оп. 36, д. 147, л. 127; ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 134, л. 4). Захватив оперативный план противника у убитого

венгерского офицера, партизанское командование своевременно вывело силы в урочище Колячек и организовало взаимодействие с отрядами Сумской и Орловской областей (ЦАМО РФ, ф. 202, оп. 36, д. 147, л. 127). В ходе боев за села Сопыч, Жихов и Пигаревку партизанские соединения С. А. Ковпака и хомутовских отрядов разгромили 3-й батальон 51-го мадьярского полка и подразделения 105-й мадьярской дивизии (ЦАМО РФ, ф. 202, оп. 36, д. 147, л. 128; Ковпак, 1987, с. 249, 263). В марте 1942 года при блокировании Хинельского леса отряды имени Ворошилова № 1 и имени Чапаева ночным ударом прорвали вражеское кольцо в селе Марчихина Буда и ушли в Брянские леса (Гусев, 2006, с. 78-88).

Провал ждал карательные операции оккупантов и против партизан северо-западных районов Курской области. Летом 1942 г. после уничтожения партизанами полицейских гарнизонов в Власовке и слободе Михайловка противник бросил на лесной массив «Сухая Хотынь» моторизованную бригаду с танками (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 29, л. 9; д. 78, л. 33-35). Несмотря на внезапность окружения, комиссар И. К. Панченко сумел организовать оборону и вывести основной состав Михайловского и Троснянского отрядов из-под удара (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 29, л. 9).

Наиболее масштабная попытка уничтожения объединенных партизанских отрядов Курской области была предпринята оккупантами в октябре – ноябре 1942 года. Для зачистки лесных массивов «Берлажон», «Опажье», «Жерновец» и «Сухая Хотынь» немецкое командование привлекло свыше 3500 человек из полицейских гарнизонов и мадьярского пехотного батальона при поддержке бронетехники. Наступление продолжалось с 12 октября по 18 ноября 1942 г. (ГАБО, ф. П-1650, д. 51, л. 17-19 об.).

Противостоящая карателям партизанская тактика подтвердила тезисы Директивы № 1900/41 о бессмысленности фронтальных «котлов» (Директива Главного командования..., с. 4; ГАБО, ф. П-1650, д. 51, л. 17-19 об.). Командование объединенных отрядов уклонялось от затяжных боев, используя знание местности и маневрируя на стыках административных границ. Выдерживая артобстрелы в течение дня, партизанские бригады совершали ночные марш-броски на 20-25 километров, скрытно меняя базисные урочища. В результате маневров из леса «Берлажон» в «Жерновец», затем в «Сухую Хотынь» и «Воскресную Дачу» отряды полностью сохранили боеспособность (ГАБО, ф. П-1650, д. 51, л. 17-19 об.). Каратели сместили удар на гражданское население, расстреляв 870 мирных жителей и сожгли 32 деревни (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 47, л. 2-7).

В начале 1943 г. 1-я и 2-я Курские партизанские бригады перешли от пассивного маневрирования к наступательным рейдам (ГАБО, ф. П-1650, оп. 1, д. 13, л. 6). Комбинируя засады, заслоны и внезапные налеты, отряды Второй бригады 13 января 1943 г. уничтожили гарнизон в райцентре Хомутовка, ликвидировав 135 оккупантов, после чего совершили рейды по 20 населенным пунктам Курской и Сумской областей (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 134, л. 30-32). Практика показала, что высокая маневренность, отказ от удержания стационарных лагерей и использование межрайонных стыков полностью нейтрализовали преимущества регулярных войск вермахта в огневой мощи (Директива Главного командования..., с. 4; ГАБО, ф. П-1650, д. 51).

Сравнительный анализ нормативно-доктринальной базы ОКХ и архивных материалов о боевой деятельности курских партизан открывает глубокое противоречие между теоретическим мышлением штабистов вермахта и практической реальностью партизанской войны на Восточном фронте (Директива Главного командования..., АУФСБ КО, ф. 4-го отд. УНКВД, д. 54, 131; ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 18, 78).

С одной стороны, германский Генеральный штаб в Директиве № 1900/41 продемонстрировал точное понимание отдельной военной тактики партизан (Директива Главного командования..., с. 1-6). Составители документа сформулировали ключевые преимущества народных мстителей: высокую подвижность, использование труднопроходимой местности, внезапность ночных нападений, уязвимость железнодорожных коммуникаций и неэффективность громоздких фронтальных зачисток (Директива Главного командования..., с. 2, 4-5). Вынужденный перевод немецких поездов на магистралях Курск – Орел и Брянск – Львов исключительно на дневной режим работы доказывает, что инженерно-оборонительные предписания ОКХ временно снижали уязвимость эшелонов, хотя и ценой падения пропускной способности дорог (Директива Главного командования..., с. 5; ГАБО, ф. П-1650, оп. 1, д. 51, л. 15).

С другой стороны, все оперативно-тактические наблюдения немецких военных теоретиков были перечеркнуты идеологической догмой о чуждости партизанскому движению местного населения (Директива Главного командования..., с. 3). Трактовка партизан как изолированных элементов привела к внедрению системы коллективной ответственности и массового террора (Директива Главного командования..., с. 3; Объявление командования Белгородского округа). Немецкое командование попало в институциональный замкнутый круг: карательные акции и сожжение деревень в ответ на партизанские диверсии лишали оккупационную администрацию лояльности населения, превращая местных жителей в кадровый и информационный резерв партизанских отрядов (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 47, л. 2-7, д. 134, л. 30-32).

Институциональным фактором успеха борьбы с оккупантами стала централизация руководства (РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 197, л. 52; ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 18, л. 37). Если осенью 1941 г. партизанские отряды действовали разрозненно, страдая от нехватки опыта и дефицита вооружения (АУФСБ КО, ф. 4-го отд. УНКВД, д. 131, 191), то создание ЦШПД, БШПД и Штаба объединенных партизанских отрядов Курской области (ОПОКО) летом и осенью 1942 г. превратило партизанское движение на территории региона в организованную силу, обеспечивающую существенную поддержку Красной Армии (РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 197, 198; ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 18). Несмотря на отдельные снабженческие сбои (ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 21, л. 69; ГАБО, ф. П-1650, оп. 1, д. 51, л. 15 об.), централизованное руководство смогло обеспечить координацию разведки и диверсий на коммуникациях врага в решающий период битвы за Сталинград и подготовку сражения на Курской дуге (РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 198, л. 58-60; ГАКО, ф. П-2, оп. 1, д. 52, л. 42).

Заключение

Проведенный сравнительно-исторический анализ доктринальных документов вермахта и массива архивных источников о деятельности партизанских формирований Курской области в 1941-1943 гг. позволяет сделать следующие выводы:

1. Германская антипартизанская доктрина, зафиксированная в Директиве ОКХ № 1900/41, содержала принципиальную ошибку. Обладая верным пониманием отдельных тактических приемов партизан, немецкое руководство оказалось неспособным оценить социальную природу народного сопротивления. Попытка умиротворения тыла через массовый террор, сожжение населенных пунктов и концепция коллективной ответственности привели к окончательному разрушению оккупационного режима и притоку гражданского населения в партизанские отряды.

2. Организованная под руководством ЦШПД и БШПД агентурно-разведывательная и диверсионная сеть курских партизан успешно противостояла немецкой системе режимного контроля. Использование женского состава разведки, вербовка административных служащих и переход на сторону партизан солдат противника позволили вскрыть оборонительную систему оккупантов. Массированная диверсионная работа осенью 1942 – зимой 1943 гг. пустила под откос десятки воинских эшелонов и заставила противника перевести ключевые железнодорожные магистрали исключительно на дневной режим работы, существенно ограничив снабжение немецких войск.

3. Применяемая партизанами тактика ночного маневра на стыках административных границ и базирования в крупных лесных массивах обесценили громоздкие карательные операции вермахта. Опыт противоборства в Курской области показал, что гибкое, опирающееся на поддержку населения и централизованно управляемое партизанское движение способно успешно дезорганизовать превосходящий в техническом отношении оперативный тыл регулярной армии.

В качестве перспектив дальнейшего исследования при наличии соответствующей источниковой базы следует выделить возможность проведения сравнительной характеристики контрпартизанских действий на территории других оккупированных российских регионов.

Материалы исследования | Research materials

1. АУФСБ БО – Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Белгородской области. Ф. П. Д. 1.
2. АУФСБ КО – Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области. Ф. 4-го отд. УНКВД по Курской области. Д. 54, 131, 140, 191.
3. ГАБО – Государственный архив Брянской области. Ф. П-1650 (Брянский штаб партизанского движения). Оп. 1. Д. 13, 50, 51.
4. ГАКО – Государственный архив Курской области. Ф. П-2 (Штаб объединенных партизанских отрядов и бригад Курской области). Оп. 1. Д. 15, 18, 21, 25, 29, 47, 52, 76, 77, 78, 134, 205, 356, 379, 380, 381.
5. Директива Главного командования сухопутных сил Германии № 1900/41 «Основные положения по борьбе с партизанами» от 25 октября 1941 г. / Генштаб сухопутной армии, Отдел боевой подготовки (1а) // Архив УФСБ России по Курской области. Коллекция рассекреченных архивных материалов УНКВД за 1941-1945 гг.
6. Ковпак С. А. Воспоминания, очерки, статьи. К.: Политиздат Украины, 1987.
7. КОКМ – Курский областной краеведческий музей. Инв. № 3030.
8. Музей партизанской Славы школы № 15 г. Курска. Инв. № 457, 458, 459.
9. Народные мстители. Воспоминания курских и белгородских партизан и подпольщиков. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1966.
10. Объявление командования Белгородского округа о карательных мерах против партизан и режиме передвижения для населения // Архив УФСБ России по Курской области. Коллекция рассекреченных архивных материалов УНКВД за 1941-1945 гг.
11. Противостояние: Рассказы о курских чекистах: сборник очерков / сост. С. Пятовский. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1991.
12. РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 69 (Центральный штаб партизанского движения). Оп. 1. Д. 197, 198, 745.
13. Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: документы и материалы. М.: Терра, 1999. Т. 20 (9).
14. ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 202. Оп. 36. Д. 147.

Источники | References

1. Абовян Е. Н. Немецкая агентурная служба на оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны (на примере Брянского региона) // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. 2021. Т. 7.
2. Азяский Н. Ф. Социальные истоки партизанского движения в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 2015. № 5 (373).

3. Боярский В. И. Партизанство вчера, сегодня, завтра: историко-документальный очерк. М.: Граница, 2003.
4. Гусев П. В. В тылу врага: документальное повествование. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2006.
5. Кулик С. В. Партизанское движение на Северо-Западе России в годы Великой Отечественной войны // СССР во Второй мировой войне (1939-1945 гг.): проблемы исторической памяти: сборник трудов Международной научно-образовательной конференции / отв. ред. Е. Е. Красноженова, С. В. Кулик. СПб.: Свое издательство, 2020.
6. Линец А. С., Линец С. И. Партизаны Ставрополя в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами: спорные вопросы, оценки эффективности (август 1942 г. – январь 1943 г.) // Университетские чтения – 2017: материалы научно-методических чтений Пятигорского государственного университета. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2017.
7. Литвинова О. Н. Партизанское движение как важнейший фактор провала немецкой политики на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны (на материалах Брянского региона) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2025. № 1 (36).
8. Попов А. Ю. Помощь НКВД СССР партийным и советским органам в развертывании партизанского движения и подполья на оккупированной советской территории в начальный период Великой Отечественной войны // Органы и войска НКВД СССР в Великой Отечественной войне (К 80-летию победы в Великой Отечественной войне): сборник научных статей по материалам Международной научно-исторической конференции. М.: Академия управления МВД РФ, 2024.
9. Ткаченко С. Н. Выжившие и победившие. Действия разведывательно-диверсионных групп НКВД и отрядов крымских партизан в феврале – апреле 1943 года: монография. Симферополь: Бровко А. А., 2024.
10. Яхутль Ю. А., Касьянов В. В. Об ответственности Тайной полевой полиции вермахта за массовый террор в 1942-1944 гг. на временно оккупированных территориях СССР // Клио. 2025. № 7 (223). <https://doi.org/10.24412/2070-9773-2025-7223-182-186>

Финансирование | Funding

Статья подготовлена в рамках государственного задания на 2026 год № 075-03-2026-489.

The article was prepared within the framework of the state assignment for 2026, No. 075-03-2026-489.

Информация об авторах | Author information

Коровин Владимир Викторович¹, д. ист. н., проф.

Немцев Александр Дмитриевич², к. ист. н., доц.

^{1, 2} Юго-Западный государственный университет, г. Курск

Vladimir Viktorovich Korovin¹, Dr

Alexander Dmitrievich Nemtsev², PhD

^{1, 2} Southwest State University, Kursk

¹ vlavikor@yandex.ru, ² aleksn3@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 28.07.2026; опубликовано online (published online): 12.08.2026.

Ключевые слова (keywords): Великая Отечественная война; партизанское движение; Курская область; Директива № 1900/41; диверсии на коммуникациях; Great Patriotic War; partisan movement; Kursk Region; Directive No. 1900/41; sabotage on lines of communication.